

**ЗАКОНОПОСЛУШНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
И ПСИХИЧЕСКАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ****Целиковский С.Б.
Абакумова И.О.**

Статья посвящена одной из наиболее актуальных научных проблем юридической психологии – «Психологические детерминанты правомерного и криминального поведения». Работа представляет авторский взгляд на место и роль индивидуальных особенностей психической саморегуляции среди внутренних факторов, определяющих вероятность выбора и реализации личностью правомерных вариантов поведения в различных жизненных ситуациях. Обсуждается происхождение и содержание личностного свойства «ответственность», его соотношение с понятиями негативной и позитивной юридической ответственности, с компонентами субъективного опыта, обуславливающими формирование ауторегуляторных умений, обеспечивающих социально адекватное поведение.

Излагаемая автором позиция подкреплена анализом современных работ, посвященных различным аспектам освещаемой проблемы. Статья будет полезна тем психологам и юристам, кто специализируется в области юридической психологии, а также представителям правовых институтов, правоохранительных органов и социальных служб.

Ключевые слова: законопослушное (правомерное) поведение, личностная ответственность, юридическая ответственность, субъективный опыт, психическая саморегуляция.

Законопослушное поведение может быть определено как такое, которое не отклоняется от предписаний закона. Таким образом, оно трактуется, как альтернатива отклоняющемуся (девиантному) поведению, и может быть психологически осмыслено путем сопоставления причин и механизмов обоих типов поведения.

Многие исследователи, пытаясь подвести все разнообразие форм отклоняющегося поведения под единое определение, и предложить единую концепцию для понимания их внутренних и внешних причин, неизбежно приходят к выводу об относительности, релятивности самого понятия «девиантность». Как пишет Я.И. Гилинский (2004), «те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время». Однако последовательное развитие такого подхода, прежде всего, в современных конструктивистских криминологических концепциях (Бергер П., Хесс Х, Шерер С. и др.), приводит к тому, что феномену девиантности фактически отказывают в онтологической реальности, сводя его исключительно к конвенциональному понятию.

Совершаемая здесь принципиальная ошибка, приводящая, по существу, к лишению девиантологии самого объекта исследования, заключается, на наш

взгляд, в следующем. Научному рассмотрению и интерпретации подвергается конкретное содержание отдельных образцов девиантного поведения в соотношении с конкретными нормами, вместо феномена отклонений в поведении, как такового. Мы полагаем, что для научного понимания феномена девиации необходимо рассматривать отношения трех основных его компонентов: 1) человек, которому свойственно определенное поведение; 2) социальное ожидание или норма, содержащие критерии оценки такого поведения; 3) некий другой человек, группа или организация, оценивающая поведение и реагирующая на него. Назовем первый компонент «девиант», второй – «норма», третий – «квалификатор». Абстрагируясь от содержания различных социальных норм и экспектаций, мы вполне можем квалифицировать данный акт поведения как девиантный, если он отклоняется от «нормы», противоречит критериям нормальности.

С психологической точки зрения при этом важно различать случаи нарушения «нормы», о которых «девиант» просто не знает, и случаи, когда ему известно и содержание, и смысл нарушаемой «нормы», когда он может распознать сам факт нарушения, предвидеть различные последствия этого нарушения и закономерные реакции «квалификатора». Строго говоря, только в последнем случае термин «девиант» психологически

корректен по отношению к субъекту, отклонившемуся в своем поведении от нормы (в противовес юридическому: «незнание закона не освобождает от ответственности»). Другое дело, что в качестве самостоятельной «нормы» может выступать и требование к члену общества знать действующие в нем нормы, понимать их смысл и представлять последствия их нарушений, соотносить со своим поведением и т.д.

Рассматривая далее только психологически корректный феномен поведенческих девиаций, мы можем утверждать, что в них всегда проявляется определенное отношение «девианта» и к «норме», и к «квалификатору». Если девиации в поведении субъекта закономерно повторяются, то это признак устойчивого и обобщенного характера таких отношений, являющихся уже одной из основных характеристик его «девиантности» как системного личностного свойства. Социально-психологическая природа «девиантности» субъекта, таким образом, может быть понята, если мы проследим происхождение и раскроем содержание релевантных ей отношений «девианта» к «норме» и «квалификатору».

Очевидно, что эти отношения возникают только на определенном этапе личностного развития и социализации субъекта. Очевидно также, что отношение к «квалификатору» онтогенетически предшествует отношению к «норме», полноценные представления о которой как необходимом элементе жизни в обществе присущи лишь сложившейся личности. Вначале именно «квалификатор» (родитель, учитель, другой взрослый) выступает не только как тот, кто знает «норму» и следит за ее соблюдением, но и как источник самой «нормы», ее олицетворение. Именно постепенно формирующееся отношение к другому как к «квалификатору» лежит в основе перехода от «принципа удовольствия» к «принципу реальности» как важнейшего этапа социализации (пользуясь терминологией психоанализа). Даже столкновение с иным аспектом реальности – объективными свойствами вещей и явлений – происходит у ребенка при опосредствующей роли взрослого («квалификатора») при оценке адекватности обращения с этой реальностью.

Уже на этом этапе личностного развития «на сцену» выступает отношение субъекта к внешнему миру и себе, обозначаемое термином «ответственность». Появляется ответственность перед собой, когда неверное обращение с предметами, несообразное их свойствам, может вызвать лишение удовольствия, страдание или даже травму. Появляется ответственность перед «квалификатором», который может порицать за неправильное поведение, наказывать за него.

Эти два вида ответственности, порождаемые отношениями с предметной и микросоциальной реальностью, уже в раннем возрасте побуждают ребенка к элементарному прогнозированию последствий своего поведения и его простейшей саморегуляции.

Возникает вопрос – в какой момент можно говорить об ответственности не только как о характеристике ситуации развития, но и как о складывающемся личностном свойстве?

Внешний, ситуационный поход к трактовке понятия «ответственность» характерен для юридических исследований. В них ответственность понимается как вероятность и мера наказания за поведение, в определенных ситуациях нарушающее правовые нормы. Для ребенка аналогом может быть наказание, получаемое от людей и вещей при неправильном обращении с ними. Но в какой мере мы можем ребенку (или взрослому), научившемуся регулировать свое поведение так, чтобы избегать наказаний, приписать «ответственность» как внутреннее, личностное свойство?

Нам представляется, что ответить на этот вопрос можно, во-первых, рассматривая поведение, обладающее внешними признаками ответственности, с точки зрения его внутренних детерминант и механизмов, а, во-вторых, трактуя ответственность как базовое, системное свойство личности.

Согласно В.А. Петровскому (1992), любое поведение субъекта определяется его стремлением к некой обобщенной внутренней цели – реализации «постулата сообразности». При гедоническом варианте «постулата сообразности» действия субъекта направлены на максимизацию удовольствия и минимизацию страдания. Неодобряемое поведение блокируется субъектом, только если оно противоречит гедонистическим целям. При гомеостатическом варианте субъект стремится к устранению конфликтности во взаимоотношениях со средой, установлению «равновесия», и ради этого избегает отклонений в поведении. В прагматическом «постулате» во главу угла ставится польза, выгода, успех. Тогда нормы и социальные требования соблюдаются, если это выгодно.

Действительно, мы можем даже расставить эти «постулаты» в порядке их «подключения» к системе саморегуляции поведения. Исходно, у младенца, работает только гедонистический постулат – «принцип удовольствия». Поведение регулируется в узких рамках наличной ситуации. Затем привлекается гомеостатический – понятия «конфликт» и «равновесие» предполагают уже некоторые «длящиеся» отношения и учет хотя бы ближайшей перспективы. Еще более обращен в будущее прагматический постулат. Он требует дальнего перспективного планирования и долговременной регуляции поведения, взаимоучета разнонаправленных требований и т.п. Казалось бы, вот она, вершина ответственности личности, признак ее зрелости, взрослости!

Однако переход от одного постулата к другому пока не означает изменения эгоцентрической позиции субъекта, он не выходит за рамки диады «удовольствие – реальность». Нормы и ожидания рассматриваются

им только как часть реальности, свойства которой, увы, нужно учитывать, чтобы использовать ее в своих интересах, получать что-либо для себя. Если возникает ситуация, где соблюдение норм не обязательно для достижения собственной выгоды (например, нарушение не будет обнаружено), они тут же будут проигнорированы.

По сути дела, только добавление к «принципу реальности» «принципа нормы» (который в психоанализе связывают с инстанцией «супер-эго»), формирование внутреннего конструкта «норма» как автономного императива в поведении, не связанного жестко с вероятностью внешнего наказания за нарушение, дает нам основание констатировать наличие такого личностного свойства, как ответственность.

Включение принципа нормы в саморегуляцию поведения субъекта означает признание им постулата «выгоды для других». Сначала это только узкий круг «близких, значимых других». Но обобщение, генерализация нормы как императива поведения невозможны, если в этот постулат не будут включены «другие» как общество в целом, если свое поведение субъект не станет соотносить (без внешнего принуждения!) с интересами того метасубъекта, в который он включен как часть.

Таким образом, личностное свойство «ответственность», трактуется, как способность и стремление личности регулировать свое поведение в соответствии с нормами, требованиями, интересами и ожиданиями социума без внешнего принуждения, а, значит, как ответственность социальная. Понятно, что воспитание так понимаемой ответственности плохо совместимо с доминирующей ныне в обществе идеологией индивидуализма. Формирования ответственных личностей как массового явления, как социальной нормы без коррекции идеологической парадигмы не достичь. А без этого вряд ли возможна и эффективная профилактика многочисленных негативных социальных девиаций – от мелкого хулиганства до коррупции в «высших эшелонах власти».

Разумеется, констатацией связи интериоризированных социальных норм и личностной ответственности содержание этого понятия не исчерпывается. Ответственность как комплексное свойство включает в себя целый ряд компонентов – динамический, эмоциональный, регуляторный, мотивационный, когнитивный, результативный (Прядеин В.П., 1999), имеющих свои закономерности формирования, развития и взаимодействия. Однако, как нам представляется, предложенная трактовка ответственности как фактора нормативного поведения продуктивна и для более подробного изучения онтогенеза ее составляющих и выработки рекомендаций по ее формированию.

Заметим, что и в юридической литературе наблюдается проявление интереса к так называемой

«позитивной юридической ответственности» [4], которая иначе называется «проспективной», связывается с социальной ответственностью и понимается как «добровольная форма реализации юридической ответственности, представляющая собой юридическую обязанность субъекта действовать в соответствии с требованиями правовых норм» Указывается, что «юридическая ответственность не может опираться лишь на принудительную силу государства, а обеспечивается в том числе и путем убеждения». То есть, формирования гражданской ответственности как личностного свойства.

В предложенном нами определении личностного свойства «ответственность» указывается не только на стремление личности регулировать свое поведение в соответствии с нормами, требованиями, интересами и ожиданиями социума без внешнего принуждения, но и на ее способность к этому. Таким образом, необходимым внутренним условием законопослушного поведения выступает развитие способности личности к саморегуляции.

Остановимся на этом подробнее.

Индивидуальными особенностями саморегуляции являются типичные для человека и наиболее существенные индивидуальные особенности организации и управления своей внешней и внутренней активностью, устойчиво проявляющиеся в различных ее видах. К индивидуальным особенностям саморегуляции относятся, во-первых, индивидуально-типические особенности регуляторных процессов планирования задач, моделирования ситуаций, программирования действий, оценивания результатов, т.е., процессов реализующих основные звенья системы саморегуляции, и, во-вторых, индивидуальные особенности, которые характеризуют функционирование всех звеньев системы саморегулирования и являются одновременно личностными свойствами, например, самостоятельность, надежность, гибкость, инициативность.

Существенный толчок в развитии психологических представлений об активности человека в деятельности дали разработки идей физиологов, связанных с анализом функциональных систем управления двигательной и прочими видами активности (П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, И.С. Бериташвили). В психологии они увенчались разработкой концепции осознанной саморегуляции деятельности, в основу которой были положены представления об осознанности самого процесса регуляции субъектом, о системности вовлеченных в подготовку и исполнение деятельности регуляторных психических функций и о принципиальной схеме организации функций саморегуляции деятельности.

Психическая саморегуляция человеком своей деятельности, по О.А. Конопкину, является высшим уровнем регуляции поведенческой активности биологических систем, отражающих качественную

специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности и самого себя, своей активности и деятельности, поступков, их оснований [2].

Процесс саморегуляции деятельности можно представить как реализацию совокупности регуляторных умений, объединенных в комплексы, соответствующие основным регуляторным функциям (по О.А. Конопкину). Конкретное же содержание этих умений более подробно и зависит от сформированности целостного опыта.

Организация и содержание каждого регуляторного умения опосредствованы общим процессом формирования и актуализации субъектного опыта. Обращение к содержанию субъектного опыта и его компонентов при анализе регуляторных умений (анализ структуры субъектного опыта будет дан ниже) позволяет установить и уровень их сформированности, и возможности дальнейшего совершенствования. Субъектная активность перед внешним наблюдателем предстает в виде реализуемых регуляторных умений, служащих преодолению неопределенности с привлечением информационного обеспечения субъектного опыта. Они являются и конкретными формами проявлений субъектного опыта, и связующими субъектный опыт элементами.

Субъектный опыт, по точному определению И.С. Якиманской, – это опыт пережитого и переживаемого поведения, в котором сам человек может дать отчет себе о своих возможностях, в котором он хотя бы приблизительно знает правила организации собственных действий и собственного отношения, в котором зафиксированы значимые для него ценности, существует определенная иерархия предпочтений, о которых он способен отдать себе отчет, что ему самому нужно и что он хочет [по 3].

Обратившись к анализу субъектного опыта (благодаря которому человек обретает возможность ставить себе задачи, выбирать из числа задач, навязываемых ему окружением, а затем последовательно добиваться их успешного решения), мы выявили пять взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов.

1. Ценностный опыт (связанный с формированием интересов, нравственных норм и предпочтений, идеалов, убеждений) ориентирует усилия человека.

2. Опыт рефлексии (накапливаемый путем сопоставления человеком знаний о своих возможностях и возможных преобразованиях в предметном мире и самом себе с требованиями деятельности и решаемыми при этом задачами) помогает увязывать ориентировку с остальными компонентами субъектного опыта.

3. Опыт привычной активизации (предполагающий предварительную подготовленность, оперативную адаптацию к изменяющимся условиям работы, расчет на определенные усилия и определенный уровень

достижений успеха) ориентирует в собственных возможностях и помогает лучше приспособить свои усилия к решению значимых задач.

4. Операциональный опыт (включающий общетрудовые, профессиональные знания и умения, а также умения саморегуляции) объединяет конкретные средства преобразования ситуации и своих возможностей.

5. Опыт сотрудничества (складывающийся при взаимодействии с другими участниками совместной деятельности) способствует объединению усилий, совместному решению задач и предполагает предварительный расчет на сотрудничество [3].

Совокупность именно этих компонентов субъектного опыта, как показали исследования, может считаться необходимой и достаточной для формирования ауторегуляторных умений, обеспечивающих социально адекватное поведение.

Каждый из компонентов реализуется в трех сферах: потребностной (жизнеобеспечении), деятельностной, межличностной. В переживаниях, в сознании человека – это сферы влечений, интересов, долженствования.

Теоретический и экспериментальный анализы механизмов управления поведением человека, организацией его усилий показали, что следует различать механизмы развития регуляторных структур, регуляторных процессов и механизмы работы уже сложившейся у человека системы саморегуляции. Эти механизмы и лежат, на наш взгляд, в основе способности субъекта к законопослушному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. – 520 с.
2. Конопкин О.А., Прыгин Г.С. Связь учебной успеваемости студентов с индивидуально-типическими особенностями их саморегуляции // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 45-48.
3. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль и саморегуляция произвольной активности человека // Индивидуальность в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции. – Смоленск, 1996. – Ч. 1. – С. 12-18.
4. Носкова Е.А. Позитивная юридическая ответственность / Под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2003.
5. Петровский В.А. Психология неадаптированной активности. – М.: Горбунок, 1992.
6. Прядеин В.П. Комплексное исследование ответственности как системного качества личности: Дис. д-ра психол. наук. – Екатеринбург, 1999.